

УДК 343.2.7

Ответственность за предоставление ложной информации, значимой для уголовного судопроизводства, по Уголовному уложению 1903 года

Лобанова Л.В.

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права
Волгоградского государственного университета

Тесленко А.В.

Аспирант кафедры уголовного права
Волгоградского государственного университета,
начальник отдела по персоналу и организационному
развитию ООО «Юридическая фирма «Веритас»

В статье анализируются положения Уголовного уложения 1903 г., посвященные регламентации ответственности за предоставление заведомо ложной информации правоохранным и судебным органам. Обращается внимание на достоинства названного исторического памятника права, на наличие глубоких исторических корней у норм, ныне закрепленных в ст.ст. 306 и 307 УК РФ. Авторами обосновывается вывод о том, что полнота охвата общественно опасных форм подобных посягательств на правосудие, а также уровень дифференциации ответственности за таковые были на порядок выше, чем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, а в некоторых моментах – и по отношению к современному отечественному уголовному закону. На этой основе определяются направления совершенствования последнего.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, заведомо ложный донос, лжесвидетельство, уголовная ответственность, уголовное судопроизводство, Уголовное уложение.

В науке давно уже подчеркнута значение исторического метода в познании любых правовых явлений и процессов. А.Ф. Кистяковский, например, замечал, что история «указывает на естественную причину существующей уродливости и вообще того или другого состояния уголовного права, она констатирует источник его прогрессивности и дает данные для оценки как старых, так и новых теорий и учений уголовного права» [1, с. 41].

Для объективного анализа положений действующего УК РФ, направленных на противодействие предоставлению государственным органам ложной информации, значимой для уголовного судопроизводства, выявления в уголовном законе имеющихся в этой части пробелов, а равно разрешения проблем,

связанных с реализацией на практике указанных положений, важное значение имеет обращение к Уголовному уложению (далее – Уложение), утвержденному Николаем II 22 марта 1903 г.

Хотя указанный нормативный акт в полном объеме так и не вступил в силу [о разработке, принятии и введении в силу Уголовного уложения 1903 г. См., например: 2, с. 195-198], его ретроспективная обработка представляется весьма полезной для достижения научно-исследовательских целей, озвученных выше, по целому ряду причин.

Во-первых, различные составы предоставления заведомо ложной информации правоохранным и судебным органам здесь впервые были объединены в одну главу (глава VII «О противодействии

правосудию»), наряду с другими посягательствами на правосудие со стороны частных лиц. Тем самым природа всех этих преступлений была унифицирована, они охарактеризованы как преступления против правосудия. Это говорит о наличии глубоких исторических корней у решения современного отечественного законодателя, поместившего составы заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ) и лжесвидетельства (ст. 307 УК РФ) в главу с наименованием «Преступления против правосудия» (гл. 31).

Во-вторых, полнота охвата общественно опасных форм изучаемых нами деяний, а также уровень дифференциации ответственности за таковые в Уголовном уложении 1903 г. были на порядок выше, чем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, а в некоторых моментах – и по отношению к УК РФ.

Подчеркнем в этой связи резонантность вывода, сформулированного в исследовании С.В. Смолина. Автор справедливо утверждает, что именно посредством этого дооктябрьского законодательного акта осуществлялось наиболее эффективное регулирование ответственности за заведомо ложный донос, ибо данный исторический памятник российского права не содержит в соответствующей части существенных нормативных пробелов [см.: 3, с. 14].

В частности, обращает на себя внимание, что в Уголовном уложении, помимо состава заведомо ложного обвинения перед властью (ст. 157), содержалась конструкция заведомо ложного заявления без указания на лицо, его совершившее. Так, ст. 156 этого нормативного акта гласила: «Виновный в заведомо ложном заявлении власти, от которой зависит возбуждение уголовно преследования, о несовершившемся тяжком преступлении наказывается арестом» [4, с. 64].

Подчеркивая общественную опасность подобного сообщения, Н.С. Таганцев отмечал, что «ложное заявление о преступном деянии, без указания на лицо его учинившее, хотя и не причиняет вреда прямого частным лицам, но оно, несомненно, причиняет оный правосудию, направляя его на ложные поиски, а иногда может грозить опасностью и частным лицам, так как, производя дознание по искусно обставленному мнимому преступлению, следственная власть легко может заподозрить и даже привлечь к следствию невиновное лицо» [5, с. 279].

Признание преступным ложного сообщения независимо от того, содержит ли оно указание на лицо, его совершившее, характерно и для действующего УК РФ (ч. 1 ст. 306). Однако, современный Уголовный кодекс России, к сожалению, не унаследовал ранжирования пределов уголовной ответственности за ложный донос, произведенного в Уголовном уложении 1903 г. с учетом опасности необоснованного обвинения в совершении преступления для конкретного лица.

По ч. 2 ст. 306 УК РФ ответственность возможна лишь в том случае, если речь идет о ложном обвинении лица в тяжком и особо тяжком преступлении. Подобное решение российского правотворца представляется не вполне обоснованным при надлежащем учете двуобъектности заведомо ложного доноса с указанием на определенное лицо, якобы совершившее преступление (отношения в сфере правосудия и честь и достоинство ложно обвиненного лица), независимо от характера и степени общественной опасности инкриминируемого невиновному посягательства. Такого рода ложный донос, кроме того, чреват и большим объемом вреда для основного объекта уголовно-правовой охраны, поскольку создает опасность развития уголовного судопроизводства вопреки его назначению (ст. 6 УПК РФ), предполагающего защиту личности от необоснованного обвинения и осуждения.

В рассматриваемом же Уложении санкция за ложное обвинение перед властью была более строгой, чем за необременное обвинением конкретного лица ложное сообщение. Здесь значилось в качестве наказания заключение в тюрьме.

Содержался в Уложении 1903 г. и квалифицированный состав заведомо ложного обвинения. Ответственность существенно усиливалась, если было учинено заведомо ложное обвинение в тяжком преступлении [5, с. 9]. За это квалифицированное преступление ответственность устанавливалась в виде заключения в исправительном доме, являющегося вторым по тяжести после каторги в лестнице наказаний, связанных с лишением свободы [см.: 6, с. 770]. Примечательно и то, что весьма существенным был максимальный срок данного наказания. Следует вместе с тем отметить, что характерной исторической особенностью Уложения стало и то, что ни в одной из указанных статей законодатель не определял сроков действия наказания, так как они были оговорены в главе «О наказаниях». Например, в соответствии со ст. 18 Уложения, заключение в исправительный дом назначалось на срок от одного года и шести месяцев до шести лет, а по ст. 20 заключение в тюрьме определялось на срок от двух недель до одного года. Согласно ст. 21, арест назначался на срок от одного дня до шести месяцев. Таким образом, за основной состав ложного доноса без указания на лицо, совершившее преступление, виновный мог быть арестован на срок до шести месяцев, за основной состав ложного обвинения виновный мог быть осужден к лишению свободы в тюрьме на срок до одного года, а за его квалифицированный состав – на пребывание в исправительном доме на срок до шести лет.

Особый интерес вызывает закрепление в Уголовном уложении ответственности за ложную явку с повинной в тяжком преступлении или преступлении (ст. 169). Важно при этом отметить, что с уче-

том места, которое занимала в рассматриваемой главе Уложения соответствующая статья, данное посягательство не рассматривалось законодателем как разновидность заведомо ложного доноса, а было, говоря словами Н.С. Таганцева, «особым видом укрывательства» [5, с. 326]. В п. 2 этой же статьи предусматривалась ответственность также за заведомо ложную выдачу себя во время следствия в качестве обвиняемого в тяжком преступлении или преступлении [см.: 4, с. 69]. «Опасность, представляющаяся в этом случае для правосудия, – писал упомянутый выше ученый, – столь же велика, как и при мнимой явке с повинной: привлечение к следствию и суду под именем другого человека может совершенно запутать следствие и скрыть истинно виновного, хотя бы, например, тем, что он может затруднить опознание его свидетелями, или тем, что его почерк отличается от почерка подозреваемого и т.п.» [5, с. 326].

И хотя правильность определения дореволюционным законодателем правовой природы ложной явки с повинной может быть оспорена, судя по разнообразию существующих в современной науке позиций относительно квалификации данного деяния [см., например: 7, с. 78; 8, с. 158-160; 9, с. 209; 10 и др.], тем не менее следует признать важность подобного рода норм. Ведь дореволюционный законодатель вполне определенно высказал свою позицию относительно преступности такого посягательства на интересы правосудия, справедливо посчитав вредоносным для последнего самооговор лица в совершении преступления. Это, думается, полезно учесть и современному правотворцу, ибо далеко не все практические работники склонны усматривать в заведомо ложной явке с повинной признаки преступления. Например, в ходе проведенного одним из авторов настоящей статьи (А.В. Тесленко) опроса судей, их помощников, сотрудников прокуратуры, секретарей судебного заседания и адвокатов (всего было опрошено 100 человек) 33 % респондентов (33 человека) отметили, что ложная явка с повинной не противоречит действующему уголовному законодательству РФ. Такой же позиции придерживаются и некоторые ученые. Аргументы при этом не отличаются разнообразием. Обращается внимание в основном на то, что «ненаказуемость самооговора в современный период обусловлена конституционным положением о свидетельском иммунитете» [11, с. 22; см. также: 12, с. 62-63].

Весомость приведенного довода представляется сомнительной. Закрепленное в ст. 51 Конституции РФ положение применительно к ложной явке с повинной может исключать уголовную ответственность за ложное заявление компетентным органам о совершении преступления лишь в том случае, когда лицо вынуждено обратиться в правоохранительные органы и оговорить себя. Однако, ст. 51

Основного закона не имеет никакого отношения к фактам ложного заявления на себя, если таковое сделано на добровольной основе. Оговаривающий себя причиняет вред не только себе, но и правосудию. Не следует забывать, что добровольная явка с повинной является поводом к возбуждению уголовного дела (ст. 140 УПК РФ). Соответственно, ложная явка как минимум способна привести к необоснованной трате ресурсов и времени компетентных органов, заставив их заниматься бесполезной работой. Но вредоносность заведомо ложной явки с повинной как разновидности самооговора этим не ограничивается. По своим последствиям данное деяние сходно с оговором заведомо невиновного лица. «Ведь и в этом случае авторитет правосудия может пострадать от того, что останется нерешенной его важнейшая задача – ограждение от уголовной ответственности невиновных лиц» [7, с. 78]. И хотя действительно нет препятствий для уголовного преследования лиц, явившихся с ложной повинной (по ст. 306, в ряде случаев и по ст. 316 УК РФ, а то и за пособничество в совершении преступления), было бы целесообразно решить проблему квалификации рассматриваемого деяния посредством конструирования в уголовном законе самостоятельного состава самооговора в совершении преступления.

Особый интерес у современников должно вызвать содержание ст. 159 Уложения. Указанная статья предусматривала уголовную ответственность не только за подделку или переделку письменного или вещественного доказательства с целью навлечь подозрение на определенное лицо в учинении служебного проступка или преступного деяния, если такое ложное доказательство сделалось предметом дознания или послужило поводом к возбуждению уголовного преследования или привлечения к дисциплинарной ответственности (п. 1 ст. 159), но и за предъявление суду или власти, уполномоченной на производство дознания, возбуждение уголовного преследования или привлечение к дисциплинарной ответственности, заведомо ложного письменного или вещественного доказательства с целью навлечь подозрение на определенное лицо в учинении преступного деяния или служебного проступка (ч. 2 ст. 159) [4, с. 69]. При этом ответственность за оба указанных деяния усиливалась, если подделано или переделано письменное или вещественное доказательство по делу о тяжком преступлении или предъявлено ложное доказательство по такому делу. Таким образом, составители Уложения понимали, что препятствием для решения задачи ограждения правосудия от необоснованного обвинения (подозрения) невиновного лица могут служить не только заведомо ложные доносы либо обвинительные ложные показания, но и также фальсификация доказательств (п. 1 ч. 1 ст. 159 Уложения), а равно представление информации,

которая может иметь доказательственное значение, в иной форме (п. 2 ч. 1 ст. 159 Уголовного уложения). Между тем в действующем Уголовном кодексе РФ отсутствуют какие-либо аналоги нормы, закрепленной в п. 2 ч. 1 ст. 159 Уголовного уложения. Мы считаем это упущением современного правотворца.

В Уголовном уложении 1903 г. изменился подход законодателя и к регламентации уголовной ответственности за ложную присягу и лжесвидетельство. Ложная присяга не рассматривается более как преступление против веры, кардинально отличающееся по этой причине от лжесвидетельства. «Закон запрещает в данном случае под страхом наказания не всякую ложь, – писал Н.С. Таганцев, – не всякое ложное показание о чем-либо, а только ложное показание на суде, в том соображении, что через это причиняется действительно вред правильному отправлению правосудия ... Нормою, нарушаемой виновным, будет запрет "не лжесвидетельствуй", а потому и основным типом данного преступного деяния является лжесвидетельство, а не лжеприсяга» [5, с. 290]. В то же время, дача показаний под присягою не утратила своего уголовно-правового значения, а превращала лжесвидетельство в более опасное, квалифицированное преступление, за которое устанавливалось такое же суровое наказание, как и за лжесвидетельство вследствие подкупа – заключение в исправительный дом (ч. 2 ст. 158). За обычное лжесвидетельство наказанием служило заключение в тюрьме.

Отметим еще одно положение рассматриваемого нормативного акта. Ч. 3 ст. 158 предусматривала основание для исключения уголовной ответственности за лжесвидетельство для лиц, совершивших это преступление в пользу обвиняемого и имевших по закону право отказаться от дачи показаний, если на такое право лицу не было предварительно указано. Данное положение важно не только для уточнения круга лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, но и для ограничения субъектного состава лжесвидетельства. Думается, что определенную пользу оно способно принести и в процессе научного толкования положений ст. 307 современного УК РФ.

Наличие в Уголовном уложении 1903 г. подобно-го положения есть одно из свидетельств того, что описание некоторых признаков изучаемых нами составов преступлений отличается большей четкостью, чем это имело место в предшествующих документах, а иногда и по сравнению с современным Уголовным кодексом. Это также может быть отмечено в качестве достоинства названного нормативного акта, принятого в начале XX столетия.

Говоря о данном преимуществе Уголовного уложения, следует сказать, что его значение можно усмотреть также и в том, что в нем давалась характеристика адресата заведомо ложного обвинения, а

также ложного заявления перед властью. Устанавливалось, что таковым выступает орган, от которого зависело возбуждение уголовного преследования (ст. 156), либо орган, от которого зависело возбуждение уголовного преследования или привлечение к дисциплинарной ответственности (ст. 157). Немаловажно и то, что непосредственно в Уложении в качестве субъекта заведомо ложного показания назывались не только свидетель, но и сведущее лицо или переводчик. Определялось и время совершения преступления (при производстве следствия или суда, или при дознании).

Подводя итоги нашему небольшому исследованию, отметим следующее. Мы не склонны преувеличивать положительные качества Уголовного уложения. Последнее, будучи продуктом довольно сложного времени, конечно же, не лишено недостатков и содержательных, и юридико-технических. Но одно несомненно, речь идет о законодательном акте, заслуживающем самого пристального внимания не только ученых, но и тех, кто имеет отношение к правотворчеству. Регламентация ответственности за заведомо ложную информацию, адресованную правоохранительным органам и суду, в современной России пока еще далека от совершенства.

Литература:

1. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. – Киев: Тип. И. и А. Давиденко, на Мало-Житомирской улице, в собств. доме, 1882. – 930 с.
2. Дудырев Ф.Ф. Разработка и принятие Уголовного уложения 1903 года // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 4. – С. 195-198.
3. Смолин С.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 29 с.
4. Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб.: Издание В.П. Анисимова, 1903. – 250 с.
5. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета / Издание Н.С. Таганцева. – СПб., 1904. – 1126 с.

6. Упорнов И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 608 с.
7. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – 268 с.
8. Намнясева В.В. К вопросу о квалификации самоговора // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 11. – С. 158-160.
9. Пономаренко З.В. К вопросу о квалификации самоговора по российскому уголовному законодательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 4 (105). – С. 209-212.
10. Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. – 137 с.
11. Блинников В.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты лжесвидетельства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1998. – 22 с.
12. Кузьмина С.С. Самоговор: правовые и процессуальные аспекты // Правоведение. – 1989. – № 6. – С. 62-63.

Criminal Responsibility for Providing False Information Relevant for Criminal Proceedings under the Criminal Law Code of 1903

*L.V. Lobanova, A.V. Teslenko
Volgograd State University*

The paper deals with the provisions of the Criminal Code of 1903, dedicated to the regulation of the responsibility for providing false information to the law enforcement and judicial authorities. Authors focus attention on the dignity of the named historical monument of law, and the existence of the deep historical roots of the rules now enshrined in the articles 306 and 307 of the Criminal Code. The authors justify the conclusion that the completeness of coverage of socially dangerous forms of these attacks on justice, as well as the level of differentiation of responsibility of those, were much better than in the Penal Code of 1845 (Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh), and in some moments, better than the modern domestic criminal law. On this basis, authors determine the directions of improvement of the modern Criminal Code.

Key words: deliberately false information, false accusation, false witness, criminal liability, criminal procedure, criminal code.

